

очевидно для многих, и не только современников, — поэт интимно-искренне и во многом глубоко интуитивно пестовал и философскую сторону своего таланта. Ее заметили единицы. Так, П. М. Ковалевский, например, смог разглядеть, что «Некрасов был <...> эстетик, каких мало <...> Эстетическую контрабанду он один умел проносить в журнал через <...> таможенные заставы, какие воздвигнуты были отрицанием искусства...»³³ О самой личности Некрасова и ее внутреннем мире как глубинной «автотеме» творчества поэта, как и о Некрасове-художнике в противовес Некрасову-трибуну, пусть и с оговорками, замолвил свое слово С. А. Андреевский.³⁴ «Поэта-идеалиста» и «религиозного мыслителя» Некрасова поднял на щит Д. С. Мережковский.³⁵ Художника-мыслителя, первооткрывателя отечественного «сумрачного» урбанизма увидел в нем В. Я. Брюсов.³⁶ Трагический «надрыв», особенную «музыку диссонансов» и «живопись уродства» расслышал и разглядел в поэте К. Д. Бальмонт.³⁷ Сочувственно о художественно-философской позиции Некрасова-поэта высказался ряд других деятелей литературы начала XX века.³⁸ На экзистенциальную природу некрасовской *тоски* указывали В. Кранихфельд³⁹ и К. Чуковский.⁴⁰ А после работ Н. Н. Скатова⁴¹ и Ю. М. Лебедева⁴² стало, наконец, ясно, что Некрасов — мыслитель, метафизик и психолог, выразитель национально-культурных идеалов и экзистенциалист-антрополог — не только подлинный и глубокий предмет для исследования, но до сих пор одна из нераскрытых «тайн русской поэзии».

Та магистраль творческих усилий, которая рассматривалась выше в персонально-этическом или художественно-субъектном преломлении, оказалась не менее продуктивной и в философско-антропологическом смысле. Будучи представлена в мировоззренческом ракурсе, она позволяет усмотреть некий глубинный вектор, открывающий специфический смысл в отношении важнейших достижений Некрасова-поэта как социального аналитика, гуманиста-идеолога, а в силу обстоятельств времени — и социального утописта. На протяжении всей своей жизни поэт старался найти ответ на ряд тесно друг с другом связанных нравственных вопросов: что такое власть над человеком жизненной обыденности, практических нужд, общественных «приличий», норм, обычаев? каким образом в мире утилитарности могут

³³ Ковалевский П. М. Николай Алексеевич Некрасов // Некрасов Н. А. Стихотворения. 1856. М., 1988. С. 315. (Серия «Литературные памятники»).

³⁴ Андреевский С. А. О Некрасове // Андреевский С. А. Литературные очерки. СПб., 1893. С. 161—167.

³⁵ Мережковский Д. С. 1) О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893. С. 63—68; 2) Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев. СПб., 1915.

³⁶ Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 187.

³⁷ Бальмонт К. Некрасов // Новый путь. 1903. № 3. С. 47.

³⁸ См.: Пайков Н. Н. Еще раз о восприятии Некрасова русскими символистами // Некрасовский сборник. СПб., 1998. Вып. XI—XII. С. 124—130.

³⁹ Кранихфельд В. Н. А. Некрасов (Опыт литературной характеристики) // Мир божий. 1902. № 4. С. 40.

⁴⁰ Чуковский К. И. Кнотом иссеченная муза // Чуковский К. Некрасов: Статьи и материалы. С. 106—133.

⁴¹ Скатов Н. Н. 1) Некрасов. Современники и продолжатели. Л., 1973; 2) Народный поэт // Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему». М., 1985.

⁴² Лебедев Ю. В. 1) О некоторых этических истоках поэзии Некрасова // Ф. М. Достоевский—Н. А. Некрасов. Сб. науч. тр. С. 128—138; 2) Н. Некрасов и русская поэма 1840—1850-х гг. Ярославль, 1971; 3) Русская Одиссея // Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М., 1999. С. 5—40; 4) На пути к Некрасову // Некрасов Н. А. Стихотворения. М., 2000. С. 5—48; 5) «Страдания нас породнили» (О поэмах Н. А. Некрасова 1850—1870-х годов) // Некрасов Н. А. Поэмы. М., 2001. С. 5—28; 6) Мотивы христианской гражданственности в поэзии Н. А. Некрасова // Н. А. Некрасов. Современное прочтение: К 180-летию русского национального поэта. Материалы межвуз. науч. конф. Кострома, 2002. С. 4—16.